

Музыченко Ю

22/8 87

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
ОМСКАЯ ПРАВДА

22 409 1987

г. Омск

Ю. Музыченко:

„Здесь мой дом“

ЮБИЛЕИ

...Свадьба казалась так близка. Уж и молодые страстно поцеловались, и умиленно, на пуантах, проплыли их близкие, и не разговор пошел, а скорее — изящный шепет. Как вдруг... Удар кирзового сапога распахнул ворота, и посреди двора крепко встал брат купчихи Ничкиной Нил Борисыч Неуденов. Его весьма нахальный вид не сулил собравшимся ничего хорошего. Сбросив кафтан и оставшись в атласной поддевке и защитного цвета брюках, вертя курчавой бородкой, он тут же обозвал сестру «дурой», ныкнул на племянницу и ее подружку и начал допрашивать жениха, знает ли тот, как деньги достать. А услышав ответ отрицательный, изрек приговор: «Таким людям и жить не стоит, не то что жениться». Вдоль покуражившись над Мишенькой, шарахнув его о забор, он тут же нашел ему замену, и рядом с Капюшкой возник Юшка — длинноногий наглый купчик — под стать Неуденову.

Это — финал первого действия «Праздничный сон до обеда» из спектакля театра драмы «Мой бедный Бальзаминов».

...Тревожный музыкальный аккорд и возглас: «Гляди: приказный!» — вызвали из тьмы некую фигуру в балахоне, а завитом парике и с усиками. Пугая четкими, как команды, фразами: «Скажите ему... он поймет», «Нам вдвоем... на свете жить нельзя», — странный посетитель выпотрошил комод Бальзаминовых, выкинул из него все бумажки и, окончив обыск, исчез. «Я человек решительный», — заявил он, выхвативший лучом света, а потом в олеянии, напоминающем китайский френч, явился к Антропиной — в тот самый момент, когда Миша Бальзаминов поверил в свое счастье.

Так выглядят сцены из второго действия «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» уже названного спектакля.

В третьем действии — «За чем пойдешь, то и найдешь» — «отличнейший человек Лукьян Лукьянович Чебаков», офицер в отставке, очень приличный господин — появился в сером костюме и кепке, белоснежной рубашке с бабочкой и, похихивая, приговаривая: «Да вы чудак!» — жизнерадостно присел вместе со стариком Бальзаминовым, репетируя похищение девицы Неженых. Вскоре он умыкнул их обеих, да еще, по воле режиссера, прихватил остальных женщин, очутившихся на сцене. Бальзаминова же оставил держать проломленную доску, а сам исчез с хохотом и криком: «В черную работу! Землю копать!»

Три разных образа в одном спектакле, поставленном Г. Тростянецким, объединены важнейшей темой: они олицетворяют грубую ненаказуемую силу, которая в данном мире правит бал и, шутя, играючи, ломает планы Бальзаминова. Зловещая триада остро, рельефно, крупно представлена одним актером — Юрием Музыченко. В этом есть для зрителей особый интерес, и театр недаром выбрал именно этот спектакль для праздничного вечера 5 декабря. Он состоится в честь юбилея Юрия Васильевича Музыченко, причем, юбилей двойной: 50-летия со дня рождения и 25-летия творческой деятельности. Подчеркнем: именно в Омском театре драмы.

Сюда он пришел из заводского цеха, поработав токарем и фрезеровщиком, — сначала в Каменск-Уральске, потом в Омске на Сибзаводе. Начал в театре с монтершника. Потом — студия, армия и снова сцена.

...К началу 3-го акта комедии Шекспира «Много шума из ничего» в постановке Е. Хитровица в зал стекались все, кто был свободен от репетиций. Шли смотреть сцены Клюквы (А. Ф. Теплов), Киселя (И. Д. Донской) и их стражника из команды Клюквы.

Стражник — наивный деревенский парень, непривычный к городской суете, уморительно и нелепо откликался на приказы своего начальника. Дуэт молодого актера и мастера сцены, по свидетельству Е. А. Аросевой, велся на равных. Первая работа Музыченко, принятая, одобренная труппой...

Потом был Голыш, соратник Ермака, спасший его от гибели, — в пьесе Бударина и Кум Мироныч, пожилой крестьянин, знавший, что бьет белых за землю-кормилицу в бабелевской «Конармии». И купец Харитонов в горьковском «Старике» — тоже возрастная роль. («Отмечали Юру — было обещание мастерства», — вспоминает потом Псарева). В комедии «Стряпуха замужем» Сафронова он сыграл Пчелку, пел под баян, под оркестр. Сыграл как бы себя самого, сельского парня, увлеченного сценой. Прямые ассоциации возникали и в «Чти отца своего» Лаврентьева: его Севка после школы пошел не в какие-то там институты, а на завод и вскоре повел себя как настоящий, гордый своим званием рабочий, борясь против зажима критики и штурмовщины.

Увы, не всякая молодость мужает без потерь... «У него явно просматривалось дарование лирическое. Порой он мне напоминал Сергея Есенина. Как случилось, не припомню: за одной «отрицательной» последовала другая, третья... И лирическое обаяние постепенно иссякло». (Е. А. Аросева).

Возможно, в чем-то и права актриса. Зрелый Музыченко, во всяком случае, представлял нам своих героев со всем светлым и темным, что в них есть. С их трудолюбием, великодушием, инстинктом справедливости и, напротив, с нравственной глухотой, бесцеремонной наглостью и безжалостностью...

До сих пор помню Шута в трагедии «Смерть Иоанна Грозного» Толстого в постановке Я. Киржнера. Под традиционным колпаком дурака — добродушно-лукавое лицо с умными глазами. Осторожная округлость движений человека, привыкшего, если надо, мгновенно ускользнуть от царского гнева. В безопасные моменты он вылезал из-под укрытия — царского трона — и забавно разыгрывал хозяина положения. Но в какой-то миг балагурство слетало — открывался страстный человек, близко к сердцу принимавший трагические события времени. Он знал, что ждет бунтовщика Сницкого. Кроваво пылало брошенное боярником одеяние. Шут угловато, неловко подходил к этому пятну, опускался перед ним на колени, словно перед покойником. Потом бережно поднимал, распластывал на руках одежду и медленно, скорбно шел с ней за кулисы. Шут Музыченко оказывался умнее многих бояр. Он предвидел скорый конец Иоанна, возвышение Бориса...

Еще спектакль, вошедший в историю театра. «На дне» Горького в постановке А. Хайкина. Клещ — Ю. Музыченко. Во всей фигуре, в повадках, в движении рук было что-то «клешеватое», опасное для людей. Актер улавливал разницу между пролетарским положением Клеши и его далеко не пролетарской позицией. Но вот умирала Анна, и мы видели его глаза. В начале спектакля бессмысленно-озлобленные, сейчас они смотрели по-детски растерянно. Опустошенный, одинокий, он становился мягче и мудрее. Лука задевал что-то в его искореженной душе, и Клещ яростно кидал слова непримиримости, горечи и отчаяния. Он обличал несправедливую жизнь, проклинал ее и все же надеялся: может, в будущем она станет светлее?

Перед юбилеем сами собой идут воспоминания. Об импульсивном воришке Курюсом, которому «сильно сидеть неохота» («Энергичные люди» Шукшина), и прокуроре Пришеве, посланном в село солдатских вдов «арестовывать» Степаниду Панкратову («Солдатская вдова» Н. Анкилова). О шукшинском Иване с его больной, беспокойной душой («Беседы при ясной луне»). О затурканном добром Василии из распутинских «Денег для Марии» и яснооком сталеваре Алексее Шорине из бокаревской пьесы. А еще думаешь о том, что и сейчас у Музыченко есть два дорогих для него спектакля: «Мой бедный Бальзаминов» и «Любовь и голуби» Гуркина, где в роли Васи Кузкина он может применить и свое знание сельского быта, и внимание к людской «чужаковости», равнозначное умению видеть неординарность «простого» человека. А кроме того, понимаешь: 50 — это возраст. Вот уж два года, как младшая дочь Юрия Васильевича Лидя играет с ним в спектакле «Любовь и голуби» и уже сама подумывает о профессии режиссера, у старшего сына Жени — свои дети...

«Мы взрослеем, стареем. Я отношусь к нему, как к брату. Его добреньким не назовешь, но за душой он не держит камня. Это человек надежный». (В. Г. Капунникова). «Вот я дождала до юбилея Юры. От души поздравляю его, желаю здоровья и удачи. Он сейчас в той поре, когда удачи непременно должны быть. Театр поступает прекрасно, устраивая торжественный вечер артисту без званий, без регалий. Тем это дороже и, наверное, возможно только в Омском театре» (Е. И. Псарева).

С. ЯНЕВСКАЯ.

Фото В. Черненко.